

ДОБРОЛЮБОВ И ТЕАТР

К 75-летию со дня смерти
(1861—29 ноября—1936)

Добролюбов не оставил после себя исследование творчества актеров, в роде того наследства, которое получил русский театр от его предшественника — В. Г. Белинского и его современника славянофила Аполлона Григорьева. С именем Добролюбова не связано истолкование творчества великих артистов, как связано с именем Белинского истолкование творчества П. С. Мочалова и с именем Ап. Григорьева — П. М. Садовского.

Значение Добролюбова для театра совсем в другом.

В те годы, когда из-под пера Островского выходили его лучшие пьесы — «Доходное место», «Воспитанница», «Гроза» и театр жадно переносил его образы на подмостки, два критика стремились объяснить читателю и зрителю смысл творчества Островского.

Критик-славянофил Аполлон Григорьев восторженно принял Островского, как национального поэта. Островский, в его толковании, оказался ценен, прежде

всего, как поэт, умеющий показать русский национальный быт. Островский — по Аполлону Григорьеву — не избалованный тьмой и духотой русского дореформенного города и буржуазии торгового капитала. Он — Колумб бытового своеобразия, обрядовой красоты глухих русских углов, избежавших «гибельного» влияния цивилизации и избилующих песенниками, сказочниками и т. п.

Таково было, в двух словах, то толкование драматургии Островского, которое предлагал читателю, зрителю и актеру виднейший критик славянофильского лагеря.

Толкование Добролюбова, который был в конце 1850-х — в начале 1860-х годов вождем русской революционной демократии, было резко противоположным.

Для Добролюбова, наоборот, Островский был ценен, как разоблачитель, который открыл в России «темное царство» безграничного насилия и всяческого произвола. Добролюбов, по определению Вл. И. Ленина, был «пи-

сатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних турок» — против самодержавного правительства»¹.

Истолковывая многообразные явления и факты купеческого самодурства и безобразия, рисуемые Островским, Добролюбов давал понять читателю, что «темное царство» купеческих особняков и торговых подворий есть не более как одна из областей огромной «темной империи» российской.

Как непримиримый борец против самодержавия и крепостничества Добролюбов пользовался каждым крутым и мрачным образом Островского, каждым зарегистрированным у него фактом насиленчества и издевательства над человеком для нападения на самые основы «темной империи»; как мыслитель-реалист Добролюбов умел истолковать и объяснить эти образы и явления с исчерпывающей полнотой, умел показать их в своем крити-

ческом зеркале с художественной четкостью и выпуклостью.

Если бы театр в эпоху Островского в своем понимании и сценическом раскрытии его творчества последовал за Ап. Григорьевым, зрители увидели бы на сцене сплошную идеализацию народного быта, за звонким разливом русской песни Яши Гуслина и Кудряша зрители не приметили бы бесстыдного саюдурства Диких. Взяв Аполлона Григорьева в основные руководители по Островскому, театр неминуемо сошел бы с дороги реализма, и общественная комедия превратилась бы в спокойную жанровую картину «в лицах и с песнями», а общественная драма обратилась бы в трогательную, но поверхностную мелодраму в стиле «рюсс» на подобие псевдонародных мелодрам Аверкиева.

Но театр — и прежде всего московский Малый театр, эта истинная творческая лабо-

¹ В. И. Ленин. Собрание сочинений. Издание 3-е, том IV, стр. 346.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ